СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1928—1932)

А. А. БАРСОВ

Проблема источников накопления, за счет которых была осуществлена индустриализация в СССР,— одна из важнейших и вместе с тем наиболее сложных в истории строительства социализма. Она теснейшим образом связана как со всем комплексом вопросов, непосредственно относящимся к социалистической индустриализации, так и с коренными социальными проблемами переходного периода.

Между тем эта проблема до сих пор не подвергалась серьезному научному анализу. В работах о социалистической индустриализации просто перечислялись возможные источники накоплений и исследовались финансовые каналы, посредством которых нужные средства аккумулировались. Вопрос же о роли каждого из источников этой аккумуляции, т. е. о размерах прибавочного продукта, созданного в основных отраслях материального производства — промышленности и сельском хозяйстве — и использованного для этой цели, не исследовался. Если же и высказывались те или иные суждения, то они основывались на косвенных данных или чисто умозрительных соображениях.

Не удивительно, что выдвинутые точки зрения зачастую были диаметрально противоположны. Так, авторы учебника «Политическая экономия. Коммунистический способ производства» полагают, что «средства для индустриализации страны и развития тяжелой индустрии черпались в основном из сельского хозяйства и легкой промышленности» [1]. Другого взгляда придерживается А. Н. Малафеев, по мнению которого крестьянство в годы первой пятилетки в результате экономических отношений с городом получило выигрыш в несколько миллиардов рублей [2]. Выходит, что происходило перераспределение средств не из сельского хозяйства в индустрию, а наоборот.

Промежуточную позицию занимает С. А. Ситорян, считающий, что, хотя в довоенный период и происходил рост розничных цен при относительной стабильности государственных заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты и тем самым осуществлялось перераспределение части доходв колхозов и колхозников, «однако механизм действия этого процесса ослаблялся, если не полностью перекрывался, обратным воздействием того же фактора — ростом доходов колхозников от продажи на колхозных рынках по высоким базарным ценам, складывавшимся на уровне и даже выше государственных розничных цен» [3]. Иными словами, по мнению С. А. Ситоряна, существенного перераспределения средств между городом и деревней в период социалистической реконструкции не происходило.

Очевидно, что для правильного решения поставленной проблемы требуется конкретный экономико-статистический анализ. В настоящей

[1] «Политическая экономия. Коммунистический способ производства». Под ред. К. Н. Шафиева, М., 1963, стр. 286.

[2] См. А. Н. Малафеев. История ценообразования в СССР. 1917—1963, М., 1964, стр. 131—132.

[3] С. А. Ситорян. Чистый доход и бюджет, М., 1964, стр. 161—162.

статье делается попытка путем такого анализа определить роль сельского хозяйства в создании накоплений для развития индустрии в годы первой пятилетки.

* * *

Рассмотрим вначале, какова была мера участия сельского хозяйства в создании накоплений для развития индустрии накануне первой пятилетки. Точный ответ на вопрос может дать лишь всесторонний баланс народного хозяйства, выполненный не в денежном, а в стоимостном выражении. Такой баланс, к сожалению, не был составлен в свое время. Однако состояние источников позволяет воссоздать если не весь баланс, то с известным приближением сделать это в отношении той его части, которая характеризует экономические отношения между городом и деревней.

Речь идет, в первую очередь, о «Материалах по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг.»[4] — очень ценной публикации ЦУНХУ СССР, до сих пор мало использованной в нашей историко-экономической литературе. При разработке этих материалов был привлечен огромный круг источников, позволяющих производить взаимную проверку и определенную корректировку данных.

Во-вторых, мы имеем материалы Конъюнктурного института Госплана СССР о соотношении отечественных цен и цен мирового рынка на промышленные и сельскохозяйственные товары в 1913 г.[5], используя которые можно с известным приближением составить представление о действительных стоимостных соотношениях, существовавших в народном хозяйстве в исследуемый период. Правда, использование мировых цен в качестве стоимостных весов требует, безусловно, ряда существенных оговорок. Но оно имеет вместе с тем одно кардинальное преимущество, ибо нивелирует национальные особенности ценообразования и тем самым позволяет устранить главный, решающий фактор отклонения цен от стоимости в нашей стране в 20-е годы — дешевизну рабочей силы в сельском хозяйстве, обусловленную унаследованной от дореволюционного периода огромной социально-экономической отсталостью деревни.

Имея народнохозяйственный баланс за 1928 г. и переводя обозначенные в нем денежные оценки в текущих отечественных ценах в мировые цены 1913 г., можно с известной точностью ответить на вопрос о мере реального участия деревни в создании накоплений в несельскохозяйственных отраслях экономики накануне первой пятилетки.

Исчисления были проведены в двух вариантах. В первом — величина прибавочного продукта, перераспределявшегося из сельского хозяйства в другие отрасли производства и непроизводственную сферу, определена по межотраслевому балансу как разность между стоимостью сельскохозяйственной продукции, использованной вне деревни, и стоимостью продукции других отраслей, поступившей в сельскохозяйственное производство и для потребления сельскохозяйственного населения. По второму варианту величина прибавочного продукта, отчужденного из сельского хозяйства, представлена как разность между национальным доходом, использованным в несельскохозяйственных отраслях и в непроизводственной сфере, и чистой продукцией несельскохозяйственных отраслей экономики. Первый способ исчисления дает возможность узнать очень важную для характеристики и понимания экономических отношений

[4] «Центральное Управление народнохозяйственного учета СССР. Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг.», М., 1932. (Дальше: «Материалы по балансу...»).

[5] См. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», 1926, № 5, стр. 9—12; № 7, стр. 8; № 10, стр. 13, а также «Мировое хозяйство. Стат. сб. 1913—1925 гг.», М., 1926, стр. 229—231.

между городом и деревней величину — коэффициент эквивалентности обмена, характеризуемый отношением стоимости отчужденных сельскохозяйственных товаров к стоимости несельскохозяйственных товаров, поступивших в сельскохозяйственное производство и сельскохозяйственному населению. Второй метод важен тем, что он позволяет установить, насколько и в какой мере за счет прибавочного продукта сельского хозяйства происходило формирование воспроизводственных фондов несельскохозяйственных отраслей производства и непроизводственной сферы. При этом в обоих методах расчета из баланса исключена продукция сельскохозяйственного производства, использованная в других отраслях деревенского производства (лесном хозяйстве, сельском строительстве, рыболовстве и охоте) и занятым в этих отраслях населением, равно как и продукция этих отраслей, использованная в сельском хозяйстве и сельскохозяйственным населением.

По данным Конъюнктурного института, индекс мировых цен по отношению к оптовым ценам России, принятым за 100, в 1913 г. составил для сельскохозяйственных товаров — 146, для промышленных товаров — 61[6]. В 1928 г. указанный индекс равнялся 93,81 — для сельскохозяйственных товаров и 32,55 — для промышленных[7].

Конечные результаты расчета стоимости продукции различных отраслей в мировых ценах 1913 г. видны из табл. 1 и 2[8].

ТАБЛИЦА 1

Баланс материальных расчетов между сельским хозяйством и несельскохозяйственными отраслями экономики в 1928 г.
(в млн. руб. в мировых ценах 1913 г.)

	Всего	В том числе:	
		с.-х. производство	с.-х. население
I. Сельское хозяйство и с.-х. население получают	4 888,7	2 125,5	2 763,2
В том числе:			
Промышленных продуктов	1 463,2	307,8	1 155,4
Хлебопродуктов	2 117,3	509,5	1 607,8
Торгово-транспортная накидка на продукты сельского хозяйства	1 308,2	1 308,2	—
II. Из сельского хозяйства отчуждается за пределы деревни*	6 738,0	6 738,0	—
В том числе:			
в другие отрасли производства	4 192,3	4 192,3	—
на экспорт	183,3	183,3	—
городскому населению	2 362,4	2 362,4	—
Сальдо	—1 849,3	—4 612,5	+2 763,2

* С торгово-транспортной накидкой.

Как видно из приведенных данных, из сельскохозяйственного производства в другие отрасли экономики в 1928 г. передавалась в порядке

[6] См. «Мировое хозяйство. Стат. сб. 1913—1925 гг.», стр. 229—231; Н. Якушин и М. Игнатьев. Соотношение между ценами СССР и мировыми ценами. «Финансы и народное хозяйство», 1927, № 1(9).

[7] Исходные данные см. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М., 1930. стр. 578.

[8] Данные в ценах 1928 г. рассчитаны по «Материалам по балансу...» (см. стр. 94, 172, 174, 176, 181, 182, 194, 308—311). При исчислениях мы исходили из того, что удельный вес сельскохозяйственного населения во всем земледельческом населении составлял в 1928 г. 77,7% (см. С. Г. Струмилин. На плановом фронте, М., 1957, стр. 450), а удельный вес доходов работников непроизводственной сферы во всех доходах неземледельческого населения — 32,2% (см. «Материалы по балансу..», стр. 208).

перераспределения национального дохода довольно значительная масса прибавочного продукта — 1849,3 млн. руб. в мировых ценах 1913 г. по расчету, исходившему из межотраслевого баланса, и 1605,8 млн. руб.— по второму варианту, когда отчуждавшийся из сельского хозяйства прибавочный продукт рассматривался как разность между реализованным и использованным в несельскохозяйственных отраслях производства национальным доходом [9].

ТАБЛИЦА 2

Реализованный национальный доход и его использование в сельском хозяйстве и в несельскохозяйственной сфере экономики в мировых ценах 1913 г. (млн. руб.)

	Использовано	
	в сельском хозяйстве	в несельскохозяйственных отраслях
1. Реализованный национальный доход	10 720,4	4 156,0
2. Использовано всего	9 125,2	5 942,7
в том числе:		
а) в фонде потребления всего	6 770,6	4 482,6
в том числе для потребления в непроизводственной сфере	—	1 284,3
б) в фонде накопления	2 354,6	1 460,1
3. Передано в другие сферы экономики (1—2)	1 595,2	—1 786,7

Изъятия из прибавочного продукта сельского хозяйства осуществлялись посредством неэквивалентного обмена. Коэффициент эквивалентности обмена между сельским хозяйством, с одной стороны, и несельскохозяйственными отраслями и непроизводственной сферой — с другой (т. е. отношение стоимости сельскохозяйственной продукции, использованной в несельскохозяйственных отраслях производства, непроизводственной сфере и несельскохозяйственным населением, к стоимости продуктов несельскохозяйственных отраслей, полученных сельскохозяйственным производством и занятым в нем населением), рассчитанный по мировым ценам 1913 г. равнялся 1,50 (см. табл. 1). Если же из обеих частей баланса исключить стоимость зерна, оставленного крестьянством для личного потребления, но переработанного в муку, крупу и т. п. предприятиями мукомольной промышленности, т. е. практически не выходившего за пределы деревни, но показанного в балансе, как продукция, поступившая в нее из города, то этот коэффициент составит еще большую величину — 2,05. Иными словами, за каждый отчужденный из сельского хозяйства продукт стоимостью 2,05 руб. оно получало продукции других отраслей лишь на 1 руб.

Столь значительная неэквивалентность в обмене определяла важную роль созданного в сельском хозяйстве прибавочного продукта в расширенном воспроизводстве остальных отраслей в конце 20-х годов. Как показано в вышеприведенных таблицах, фонд накопления несельскохозяйственных отраслей экономики и расходы непроизводственной сферы составляли в 1928 г. 2,7 млрд. руб. (в мировых ценах 1913 г.). В то же время из сельского хозяйства безэквивалентно отчуждались 1,8 млрд. руб. Таким образом, сельское хозяйство из своего прибавочного продукта давало около 65% средств, шедших на формирование фонда накопления несельскохозяйственных отраслей и расходов непроизводственной сферы. Доля же чистых изъятий из сельского хозяйства во всем его прибавоч-

[9] Некоторая разница в цифрах при обоих методах подсчета объясняется тем, что во втором случае не учтен отрицательный баланс внешней торговли, получающийся при оценке ее оборота в мировых ценах 1913 г.

ном продукте равнялась 42%, а в созданном в нем национальном доходе — 16% [10].

Все это показывает, что перед началом первой пятилетки экономические отношения между городом и деревней еще сохраняли известные черты неэквивалентности, характерные для дореволюционной России.

Следует, однако, подчеркнуть, что к концу 20-х годов в преодолении этой неэквивалентности были достигнуты уже существенные успехи. Победа Октябрьской революции, осуществление аграрной революции в деревне и уничтожение помещичьего землевладения, последовательная политика Коммунистической партии по укреплению хозяйственной смычки с крестьянством в годы нэпа, ликвидация в основном паразитического потребления буржуазии — все это, естественно, не могло не отразиться на положении непосредственного сельскохозяйственного производителя во всей системе народного хозяйства, на его отношениях с этой системой. Анализ экономических связей показывает, что за годы Советской власти неэквивалентность обмена между сельским хозяйством и другими отраслями производства значительно сократилась по сравнению с дореволюционным периодом.

Правда, для 20-х годов характерны «ножницы» между уровнем цен на сельскохозяйственные и промышленные товары по сравнению с предвоенным 1913 г.: розничные цены на промтовары выросли значительно больше, чем цены на сельскохозяйственную продукцию, реализуемую крестьянством. Но в еще большей мере сократилась товарная масса сельскохозяйственных продуктов, реализованная на внедеревенском рынке. Стоимость товарной продукции сельского хозяйства в 1913 г. была на 42% больше [11], чем в 1928 г. «Ножницы» же цен в 1927/28 г. составили 127 (1913 г. = 100) [12], т. е. уровень промышленных цен по сравнению с 1913 г. был лишь на 27% выше уровня сельскохозяйственных цен. Таким образом, в конечном итоге абсолютная величина чистых изъятий из сельского хозяйства через механизм цен должна была быть в 1927/28 г. несравненно меньше, чем в 1913 г. Меньше, чем до революции, было и налоговое обложение деревни. Прямые платежи крестьянства, включая платежи за землю, достигали в 1913 г. 19% его доходов, в 1927/28 г. прямые платежи (включая добровольные платежи) составляли 10,4% от доходов сельского населения [13]. Если учесть, что чистая продукция сельского хозяйства за 1913—1928 г. несколько выросла [14], можно с полным правом констатировать, что не только по абсолютной величине, но и относительно к величине национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве, изъятия из его прибавочного продукта за годы Советской власти по сравнению с дореволюционным периодом значительно сократились.

Уменьшение неэквивалентности обмена между городом и деревней было одним из существеннейших, коренных моментов укрепления экономического союза рабочего класса и трудящегося крестьянства перед началом первой пятилетки. Оно вместе с тем являлось одной из важней-

[10] Весь прибавочный продукт сельского хозяйства представляет собой сумму фонда накопления самого сельского хозяйства и средств, перераспределенных из него в другие отрасли. Фонд накопления в 1928 г., как показано в табл. 2, равнялся примерно 2,4 млрд. руб. (по мировым ценам 1913 г.). Кроме того, за пределы сельского хозяйства было перераспределено 1,8 млрд. руб. Абсолютная величина прибавочного продукта сельского хозяйства составила, стало быть, 4,2 млрд. руб. Реализованный национальный доход сельского хозяйства по мировым ценам 1913 г. был 10,7 млрд. руб. (см. табл. 2). Соотнося эти величины с величиной чистых изъятий из сельского хозяйства (1,7 млрд. руб.), получим указанные проценты.

[11] Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», М., 1959, стр. 351.

[12] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 580.

[13] «Тяжесть обложения в СССР», М., 1929, стр. 62; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 592; «Известия», 27 марта 1929 г.

[14] См. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, М., 1930, стр. 470—471.

ших предпосылок, обеспечивших успешное проведение социалистической реконструкции народного хозяйства, поворот трудящихся масс деревни на путь социалистического кооперирования.

* * *

Анализ источников накоплений, использованных для развития индустрии в первую пятилетку, представляет значительно бо́льшие трудности, чем решение аналогичной задачи для конца 20-х годов. В изученных нами материалах нет межотраслевого баланса за решающие годы первой пятилетки (1931—1932 гг.) и потому прямо установить эквивалентность обмена между городом и деревней в рассматриваемый период невозможно. Чтобы воссоздать, хотя бы в главных чертах, баланс материальных расчетов между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой за 1929—1932 гг. в стоимостном выражении, придется прибегнуть к сложным исчислениям.

Попытаемся сперва определить объем сельскохозяйственной продукции, которую деревня давала городу или, иначе говоря, товарной продукции сельского хозяйства.

Под товарной продукцией сельского хозяйства наша статистика понимает всю сельскохозяйственную продукцию, реализованную на внедеревенском рынке. Таким образом, в нее входит и часть тех продуктов, которые затем снова попадают в деревню в результате обратных закупок сельского населения и в порядке целевого снабжения (семенные ссуды, отоваривание законтрактованных посевов для рассматриваемого нами периода и проч.). Существует и другое определение товарной продукции сельского хозяйства, как продукции, не только реализованной на внедеревенском рынке, но и потребленной вне деревни (в статистике это называется сальдо-села). Установление размеров товарной продукции по последнему принципу больше бы подходило для нашей цели. Однако оно требует наличия полных натуральных балансов по всем видам сельскохозяйственных продуктов, коих в нашем распоряжении нет. У нас такой баланс имеется только для зерновых и хлебопродуктов. Поэтому для большей полноты картины развития товарного сельскохозяйственного производства за первую пятилетку попытаемся исчислить его объем двояким образом: по валовому отчуждению всех продуктов и по сальдо-села для зерновых, а для остальных продуктов — по валовому отчуждению. Так как обратное снабжение зерновыми составляло, по-видимому, львиную долю всего обратного снабжения деревни сельскохозяйственными товарами, второй способ исчисления даст нам если не точные, то, во всяком случае, близкие к действительности данные о сальдо-села за 1928—1932 гг.

Товарная продукция сельского хозяйства в первую пятилетку, как известно, складывалась из государственных централизованных плановых заготовок, продуктов, реализованных на колхозном рынке, и децентрализованных заготовок, осуществлявшихся кооперацией и местными организациями. (Последние, однако, достигли более или менее значительного размера только в 1932 г.). Суммируя сведения о натуральном составе товарной продукции по этим трем каналам реализации и взяв в качестве неизменных цен на сельскохозяйственную продукцию средние цены производителей 1928/29 г., получим следующую динамику объема товарного производства сельского хозяйства за 1928—1932 гг. (см. табл. 3) [15]:

[15] Таблица составлена по следующим источникам: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 581; «Сельское хозяйство СССР». Стат. ежегодник, М., 1936, стр. 215; «Советская торговля». Стат. справочник, М., 1936, стр. 32; «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР», М., 1934, стр. 386; ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 74, д. 19, лл. 4, 5, 6, 12, 16; оп. 155, д. 185, л. 2; ф. 4372, оп. 30, д. 880, л. 1.

ТАБЛИЦА 3

Товарная продукция сельского хозяйства в 1928—1932 гг. в среднегодовых ценах производителей 1928/29 года

	Среднегодовая цена 1928/29 г. коп./ц	1928 г.		1929 г.		1930 г.		1931 г.		1932 г.	
		натура (тыс. ц)	стоимость (млн. р.)	натура (тыс. ц)	стоимость (млн. р)	натура (тыс. ц)	стоимость (млн. р)	натура (тыс. ц)	стоимость (млн. р.)	натура (тыс. ц)	стоимость (млн. р.)
Зерновые	807	157416	1270,3	195018	1573,8	226470	1827,6	237311	1915,1	194339	1568,3
Подсолнечник	841	14712	123,7	11803	99,3	8484	71,4	14035	118,0	5858	49,3
Лен-семя	1165	3050	35,5	3834	44,7	2504	29,2	3148	39,8	2675	31,2
Конопля-семя	1079	1356	14,6	1301	14,0	734	7,9	561	6,1	503	5,4
Хлопок-сырец	2820	7419	209,2	8587	242,2	10736	302,8	12703	358,2	12027	339,2
Лен-волокно	5100	1589	81,0	2548	129,9	1853	94,5	2574	131,3	2874	146,6
Конопля-волокно	3760	1177	44,3	1462	55,0	1233	46,4	818	30,8	400	15,0
Сахарная свекла	122	93808	114,4	58668	71,6	132376	161,5	104351	127,3	61166	74,6
Табак	9435	340	32,1	323	30,5	362	34,2	561	52,9	495	46,7
Махорка	1530	743	11,4	837	12,8	886	13,5	1324	20,3	844	12,9
Картофель	395	41387	163,5	54541	215,4	88097	348,0	91194	360,2	84495	333,8
Овощи	636	11378	72,4	14556	92,6	24654	156,8	31629	201,2	22534	143,3
Мясо (уб. вес)	4185	16507	690,8	17139	719,5	11871	496,8	10894	455,9	8191	342,8
Молоко	794	59394	471,6	59048	468,8	53677	426,2	48070	381,7	53680	291,9
Яйца (млн. шт.)	3673	4731	173,8	4067	149,4	2785	102,3	1813	66,6	1322	48,6
Кожи круп. (тыс. шт.)	за тыс. 1030	13668	140,8	16725	172,3	16658	171,6	14335	147,7	11851	122,1
Кожи мелк. (тыс. шт.)	за шт. 212	31377	66,5	33324	70,6	37610	79,7	42363	89,8	31531	66,8
Шерсть	за шт. 11930	407	48,6	450	53,7	519	61,9	499	59,5	406	48,4
Итого . . .			3764,5		4216,1		4432,3		4562,4		3691,8
в том числе без обратного снабжения деревни хлебом			3166,5		3467,7		4049,0		4167,0		3227,0
Рост к 1928 г. (в %)			100,0		112,0		117,7		121,2		98,1
То же без обратного снабжения хлебом			100,0		109,5		127,9		131,6		101,9

Приведенные данные охватывают не всю товарную продукцию сельского хозяйства (нет, например, данных о бахчевых, фруктах, сене и некоторых других продуктах), однако и по ним можно составить достаточно верное представление о ее динамике. Если принять уровень 1928 г. за 100, то в 1929 г. товарная продукция сельского хозяйства составляла 112%, в 1930 г.— 117,7%, в 1931 г.— 121,2%. В 1932 г. же из-за резкого падения производства продуктов животноводства она сократилась на 2%.

Динамика товарного сельскохозяйственного производства с учетом сальдо-села зерновых будет несколько иной. Размеры обратных закупок деревней зерна и хлебопродуктов и, соответственно, сальдо-села зерновых представляются в следующем виде (см. табл. 4) [16]:

ТАБЛИЦА 4

Обратное снабжение деревни хлебом и сальдо-села зерновых (тыс. *ц*)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
1. Валовое отчуждение	157416	195018	226470	237311	194339
2. Обратное снабжение деревни	74116	92818	47504	48971	57556
в том числе:					
а) рыночный фонд планируемых товаров (мука, крупа)	—	—	12390	15966	20005
б) снабжение деревни зерном	—	—	35114	33005	37551
Сальдо-села (1—2)	83300	102200	178966	188340	136783

Таким образом, с учетом товарной продукции зерновых по сальдо-села вся стоимость внедеревенского потребления сельскохозяйственной продукции за 1928—1932 гг. составила (в ценах 1928/29 г.): в 1928 г.— 3166,5 млн. руб., в 1929 г. — 3467,7 млн. руб., в 1930 г. — 4049,0 млн. руб., в 1931 г. — 4167,0 млн. руб., в 1932 г. — 3227,0 млн. руб. Соответственно изменилась и динамика товарной продукции сельского хозяйства, хотя общая тенденция ее развития осталась в целом такой же, как и при расчете по валовому отчуждению. По сравнению с 1928 г. товарное сельскохозяйственное производство выросло: в 1929 г. — на 9,5%, в 1930 г. — на 27,9%, в 1931 г. — на 31,6%, в 1932 г. — на 1,9% (см. табл. 3). Следовательно, и в данном варианте динамика товарного сельскохозяйственного производства за 1928—1932 гг. принципиально не изменилась.

Если размеры товарной продукции сельского хозяйства за 1928—1932 гг. не претерпели существенных изменений, то удельный вес различных форм ее реализации изменился весьма сильно. В 1928 г. государственные плановые заготовки охватывали 56,5% всего товарного производства сельского хозяйства, в 1932 г. они стали составлять почти 85%, а вместе с децентрализованными заготовками — 93,5% товарной продукции. Доля же частных заготовителей сократилась в 8 раз, с 43,5% в 1928 г. до 5,2% — в 1932 г. [17] Это имело большое значение, так как давало государству более надежную гарантию в получении нужных ему сельскохозяйственных товаров.

Наряду с динамикой товарной продукции сельского хозяйства, весьма важно для выяснения эквивалентности материальных отношений между городом и деревней определить движение сельскохозяйственных цен в 1928—1932 гг. В различных каналах реализации продукции они

[16] Рассчитано по: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 538; «Советская торговля», стр. 52—53; ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 74, д. 19, лл. 20, 30.

[17] Рассчитано по: «Сельское хозяйство СССР в 1925—1928 гг.», Сб. стат. сведений к XVI партконференции, М., 1929, стр. 215; «Советская торговля», стр. 32.

складывались по-разному. Цены централизованных плановых заготовок устанавливались государством и мало менялись. Так, заготовительные цены на зерновые культуры на протяжении первой пятилетки были в общем на уровне 1928 г., а в 1931 г. даже чуть ниже. На технические культуры к концу пятилетки цены были лишь на 10% выше этого уровня [18]. Значительно выросли цены только на продукцию животноводства, но так как его удельный вес во всей товарной продукции за 1928—1932 гг. упал, то этот большой рост не мог в значительных масштабах повлиять на общий индекс цен плановых заготовителей. По нашим расчетам он вырос за 1928—1932 гг. примерно на 20% [19].

Более подвижными были цены на продукцию, заготовлявшуюся в порядке децентрализованных заготовок. Хотя они и устанавливались в директивном порядке, однако местные заготовительные органы могли их варьировать в определенных пределах. Как правило, они были значительно (в 3—4 раза) выше цен централизованных заготовок.

Наконец, цены неорганизованного рынка подвергались непрерывным изменениям, ибо складывались стихийно, в соответствии с колебаниями спроса и предложения. На протяжении 1928—1932 гг. они с усиливающейся интенсивностью шли вверх. На 1 июня 1932 г., по данным Госплана СССР, цены 5 важнейших сельскохозяйственных товаров (мука ржаная, картофель, говядина, сливочное масло, яйцо) на неорганизованном рынке были в 13,2 раза выше, чем среднегодовые цены 1928 г. частной торговли [20].

Для определения индекса цен производителей сельскохозяйственных товаров важно, однако, знать не столько изменение заготовительных и рыночных цен самих по себе, сколько их динамику по отношению к средним ценам производителей базисного (в данном случае 1928) года. Как изменялись заготовительные и рыночные цены в 1929—1932 гг. по отношению к среднегодовым ценам 1928 г. и каков был общеторговый индекс сельскохозяйственных цен (1927/28 г.=100), показывает табл. 5 [21].

ТАБЛИЦА 5

	1929 г	1930 г	1931 г.	1932 г.
Заготовительные цены плановых заготовителей	100,62	115,69	118,65	109,34
Цены на с.-х. товары неорганизованного рынка	233,16	525,30	814,63	3005,66
Цены децентрализованных заготовок	—	—	—	354,26
Общеторговый индекс с.-х. цен производителей	117,20	180,0	198,83	313,53

Расчет весьма наглядно выявляет разницу в динамике цен плановых заготовителей и неорганизованного рынка, о которой говорилось выше. Несмотря на известный рост заготовительных цен за 1928—1932 гг., их уровень на протяжении этого периода лишь на немного превышал уровень среднегодовых цен на сельскохозяйственную продукцию 1927/28 г. Наибольшим индекс цен плановых заготовителей был в 1930 и 1931 гг., когда он достигал, соответственно, 115,7 и 118,7 пунктов (1927/28 г.=

[18] А. Н. Малафеев. Указ. соч., стр. 129—130.

[19] Рассчитано путем прямого сопоставления стоимости отдельных продуктов в заготовительных ценах 1928/29 и 1932 гг. (См. «Товарооборот за годы реконструктивного периода», Ст. сб., М., 1932, стр. 140—142; ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 74, д. 19, л. 12; оп. 151, д. 53, л. 73; д. 54, лл. 83, 85; оп. 76, д. 33, лл. 15, 16; величина заготовок 1932 г. дана по табл. 3).

[20] А. Н. Малафеев. Указ. соч., стр. 172.

[21] Исходные данные см. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 578, 579, 580; ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 74, д. 19, л. 16; оп. 151, д. 54, лл. 83, 85; д. 53, л. 73; оп. 74, д. 19, л. 12; оп. 76, д. 33, лл. 15, 16; оп. 155, д. 185, л. 3.

=100), в 1932 г. ввиду снижения заготовительных цен на зерновые он несколько уменьшился (до 109,3), оставаясь, впрочем, все же выше уровня 1927/28 г.

Напротив, цены неорганизованного рынка испытывали непрерывный и быстрый взлет. Особенно интенсивно они росли на протяжении 1932 г., когда их индекс увеличился в 3,5 раза — почти настолько же, насколько за два предшествующих года. Наименьшим рост цен частного рынка был в 1931 г. — в год наивысшего за пятилетку уровня заготовительных цен, что, по-видимому, в какой-то мере отразилось и на уровне цен неорганизованной торговли. В целом динамика заготовительных цен и цен неорганизованного рынка за годы пятилетки представляет собой две все более расходящиеся друг от друга линии.

Примерно такой же была тенденция движения заготовительных и общеторговых сельскохозяйственных цен. Разница лишь в том, что расхождение между ними не нарастало столь стремительно, как между заготовительными и рыночными ценами. Все же в 1932 г. общеторговый индекс цен оказался почти в 3 раза выше индекса цен плановых заготовителей. И это несмотря на то, что плановые заготовки охватывали основную массу товарной продукции сельского хозяйства. Трудно в этой связи не прийти к выводу, что хотя неорганизованный рынок по физическому объему играл весьма скромную роль в реализации сельскохозяйственной продукции, его влияние на формирование индекса цен и, стало быть, на доходы сельского хозяйства продолжало оставаться очень большим, несмотря на происшедшие к 1932 г. огромные социальные сдвиги. Действительно, общая стоимость всей реализованной на внедеревенском рынке сельскохозяйственной продукции в текущих ценах должна была составлять в 1932 г. примерно 12,6 млрд. руб., из них около 7,5 млрд. руб. приходилось на продукцию, реализованную на колхозном (неорганизованном) рынке [22]. Таким образом, на долю колхозного рынка, где цены складывались стихийно, падало 60% всей реализации товарной продукции в текущих ценах, и, следовательно, такова была его доля в денежных доходах сельского хозяйства.

* * *

Посмотрим теперь, какой товарный поток, направлявшийся из города в деревню, противостоял отчуждавшейся из деревни сельскохозяйственной продукции. Физический объем продукции несельскохозяйственных отраслей, потребленных в сельскохозяйственном производстве и сельскохозяйственным населением в 1928—1932 гг., мы не можем, к сожалению, определить полностью. В нашем распоряжении нет данных о стоимости ряда продуктов строительства, поступивших в основные фонды сельского хозяйства и в жилой фонд сельскохозяйственного населения (в частности, нет таких данных по единоличному сектору за 1931—1932 гг.), а также о стоимости промышленных продуктов, поступивших в оборотные фонды сельскохозяйственного производства. Нам придется ограничиться в этой связи выведением динамики объема промышленных товаров, использованных в сельскохозяйственном производстве для пополнения его основных фондов (капиталовложения в мертвый инвентарь, электрификацию и промпредприятия), а также приобретенных сельскохозяйственным населением через розничный товарооборот. Поскольку, однако, указанные товары составляют подавляющее большинство продуктов несельскохозяйственных отраслей производства, потребленных деревней, динамика их поступления в сельское хозяйство должна в общем быть

[22] Стоимость централизованных заготовок в 1932 г. была 3837,4 млн. руб., децентрализованных — 1300 млн. руб. (ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 11, д. 132, лл. 5, 7), оборот сельскохозяйственных товаров на колхозном рынке — 7500 млн. руб. (там же, ф. 1562, оп. 155, д. 185, л. 2). Всего 12 637 млн. руб.

близкой к динамике поступления в него всех продуктов несельскохозяйственного производства.

Промышленные товары поступали в деревню в рассматриваемое время тоже по трем каналам обращения: через розничную (государственную и кооперативную) торговлю, неорганизованный рынок и в порядке прямого государственного снабжения сельскохозяйственной техникой и промышленными материалами совхозов и МТС и целевого производственного кредитования колхозов по отпускным ценам промышленности (или близким им). В каждой из этих сфер обращения действовала своя система цен, и для каждой из них характерна поэтому своя динамика.

О движении цен в розничной торговле за 1929—1931 гг. можно судить по материалам комиссии по ценообразованию, работавшей в Госплане СССР во второй половине 1932 — начале 1933 гг. Общетоварный индекс цен розничной сельской обобществленной торговли по 35 товарам составлял (средние цены 1927/28 г.=100) в 1929 г. — 98,6; в 1930 г. — 107,4; в 1931 г. — 180,1; в 1932 г. — 284,5 [23].

Индексы цен на промтовары частного рынка за 1929—1932 гг. находим в материалах той же комиссии по ценообразованию. Правда, они выведены на основе ограниченного круга прямых наблюдений над ценами. К тому же эти индексы ориентированы на городской рынок. Но как свидетельствуют бюджетные обследования колхозных и единоличных хозяйств, проведенные Наркомфином СССР в 1931—1932 гг., 80—85% покупок промтоваров на частном рынке, сделанных крестьянством, было совершено в городе [24]. Поэтому общую тенденцию движения цен на крестьянские покупки промтоваров на частном рынке индексы комиссии, безусловно, вскрывают. По этим данным, динамика цен частного рынка на промтовары предстает в следующем виде (общеторговые цены 1927/28 г.=100): 1929 г. — 139,3; 1930 г. — 218,2; 1931 г. — 392,8; 1932 г. — 845,7.

Что касается цен на средства производства, поставленные деревне государством, то они за исследуемый период не претерпели существенных изменений. По данным Наркомтяжпрома СССР, индекс отпускных цен тяжелой промышленности твердо держался на уровне 1928 г. Это относилось и к ценам на сельскохозяйственные машины и инвентарь [25]. Стимулируя индустриализацию страны и социалистические преобразования в деревне, Советское государство решительно проводило политику низких цен на машины, оборудование и материалы. При известном росте заготовительных цен и большом росте цен на продукцию сельского хозяйства на неорганизованном рынке такая политика давала сельскохозяйственному производству, прежде всего его социалистическому сектору, немаловажные выгоды.

Зная движение промышленных цен сельского потребления, нетрудно определить объем продуктов промышленного производства (в ценах 1928 г.), полученных сельским хозяйством и сельскохозяйственным населением.

Размеры обобществленного сельского товарооборота за 1928—1932 гг. в текущих ценах даются в официальных публикациях ЦСУ

[23] Исходные данные см. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, д. 70, л. 82; ф. 7733, оп. 10, д. 1, л. 42; «Товарооборот за годы реконструктивного периода», стр. 27, 33; «Советская торговля», М., 1964, стр. 25; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 578.

[24] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 12, д. 598, л. 91; ф. 4372, оп. 30, д. 70, л. 85.

[25] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 10, д. 99, л. 20. Индекс цен на промышленные изделия производственного потребления в 1929—1932 гг. колебался от 96,7 до 99,6 (1927/28 год = 100). По другим данным, индекс капиталовложений в основные средства производства МТС (которые состояли исключительно из сельскохозяйственных машин и инвентаря, а также оборудования мастерских) колебался от 99,7 в 1929 г. до 98,4 в 1932 г. (1928 г.=100), а на основные средства производства колхозно-кооперативного сектора (в которые входил кроме того скот) соответственно от 101,8 до 110,3 (1928 г.=100). (ЦГАНХ СССР. ф. 1562: оп. 106, д. 8, л. 123).

СССР. Крестьянство приобретало промтовары и через городскую обобществленную торговлю. По данным балансов денежных доходов и расходов населения, составленных Наркомфином СССР, это приобретение равнялось в 1929 г. 17%, в 1930 г. — 10,3%, в 1931 г. — 9,1%, в 1932 г.— 4,6% от оборота городской розничной торговли [26]. Те же балансы содержат сведения и о размерах покупок промтоваров сельским населением на частном рынке. Следует, однако, оговориться, что для 1930—1932 гг. эти сведения являются ориентировочными и основаны либо на косвенных данных бюджетных обследований крестьянских семей, либо просто на экспертных оценках [27]. Данные о размерах капитальных вложений в мертвый инвентарь социалистического сектора сельского хозяйства также содержатся в публикациях ЦСУ, а данные о таких капиталовложениях частнохозяйственного сектора — в архивных материалах (кроме сведений за 1932 г., которых в нашем распоряжении нет). Долю сельскохозяйственного населения в сельском розничном товарообороте мы определили по удельному весу денежных доходов от сельского хозяйства во всех денежных доходах деревенского населения, приводимых в балансах денежных доходов населения.

Вот как развивалось снабжение деревни продуктами несельскохозяйственных отраслей производства в 1928—1932 гг. (см. табл. 6) [28].

ТАБЛИЦА 6

Промышленные продукты, поступившие в сельское хозяйство и сельскохозяйственному населению в 1928—1932 гг.
(в общеторговых ценах 1928 г.)

Источники поступления	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Все приобретение промтоваров с.-х. населением через обобществленную розничную торговлю (млн. руб.)	2990,4	3844,0	4253,9	3440,8	3234,8
Индекс физического объема приобретения промтоваров с.-х. населением через обобществленную розничную торговлю (1928 г.=100).	100,0	131,9	142,3	118,3	108,2
Неорганизованный рынок (млн. руб.)	360,2	236,3	142,3	265,5	96,4
Индекс физического объема приобретения промтоваров с.-х. населением на неорганизованном рынке (1928 г. = =100)	100,0	65,6	39,5	73,7	26,8
Приобретение промтоваров с.-х. населением через все источники (млн. руб.)	3350,6	4080,3	4396,2	3706,3	3331,2
Индекс физического объема приобретения промтоваров с.-х. населением из всех источников (1928 г.=100).	100,0	122,4	131,2	110,6	100,0
Капиталовложения в мертвый с.-х. инвентарь, машины и оборудование (млн. руб.)	600,8	724,2	926,2	1446,6	1437,0
Индекс физического объема капиталовложений в с.-х. машины, оборудование и инвентарь (1928 г.=100)	100,0	120,5	154,2	240,8	239,2
Вся стоимость промышленных товаров, поступивших в сельское хозяйство и с.-х. населению (млн. руб.)	3951,4	4804,5	5322,4	5152,9	4768,2
Индекс физического объема промтоваров, поступивших в сельское хозяйство и с.-х. населению (1928 г.=100).	100,0	122,1	134,7	130,4	120,7

[26] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 10, д. 107, л. 43; оп. 12, д. 194, п. 5.
[27] См. ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 94, д. 6, л. 43.
[28] Рассчитано по: «Советская торговля», стр. 65; «Товарооборот за годы реконструктивного периода», стр. 18; «Сельское хозяйство СССР», стр. 197; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 576; ЦГАНХ СССР, ф. 4372,

В целом, объем промышленной продукции, полученной деревней, был, как видим, во все годы пятилетки больше, чем в исходном 1928 г. Особенно заметным был рост в 1930 и 1931 гг., когда сельское хозяйство получило на 30—35% больше промышленных продуктов, чем перед началом пятилетки. В последний же год пятилетки происходит некоторое сокращение объема снабжения, и в 1932 г. промышленность дает деревне лишь на 20% больше товаров, чем в 1928 г.

По отдельным каналам реализации товаров, приобретенных деревней, динамика оказалась различной. Так, объем розничного обобществленного товарооборота промтоваров, приходящейся на сельскохозяйственное население, к 1930 г. увеличился по сравнению с 1928 г. более чем на 40%, а к 1932 г. он сократился и лишь на 8% превышал уровень 1928 г. Такова же была тенденция развития всего розничного товарооборота (и обобществленного и частного), приходившегося на сельскохозяйственное население. В 1932 г. он был даже чуть меньше, чем перед началом пятилетки. Товарооборот же промтоваров на неорганизованном рынке неуклонно сокращался (исключение составляет лишь 1931 г.) и в 1932 г. упал почти до четверти (26,8%) товарооборота 1928 г. Это явилось следствием вытеснения капиталистических элементов из всех сфер хозяйственной жизни, в том числе и из товарооборота.

Динамика снабжения сельского хозяйства средствами производства промышленного происхождения существенно отличается от динамики поступления туда потребительских товаров. Рост капитальных вложений в основные средства производства — сельскохозяйственные машины, инвентарь, оборудование — наращивался за годы пятилетки непрерывно. Интересно, что наибольшими они были именно в 1931 и 1932 гг., как раз тогда, когда снабжение деревни потребительскими товарами сокращается. Впрочем, и в 1929—1930 гг. темпы роста капиталовложений были выше роста приобретения потребительских товаров.

* * *

Перейдем к определению эквивалентности обмена между сельским хозяйством и другими отраслями производства в 1928—1932 гг. Сопоставим вначале полученные нами данные о динамике взаимных поставок товаров между сельским хозяйством и несельскохозяйственными отраслями по физическому объему и о движении цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары деревенского потребления за 1928—1932 гг. Отношение соответствующих индексов покажет изменение эквивалентности обмена в каждый год пятилетки по сравнению с 1928 г. (см. табл. 7).

Из проведенного сопоставления видно, что деревня получала за свою продукцию на протяжении первой пятилетки по масштабу цен 1928 г. промышленных товаров в примерно одинаковой пропорции. В 1929 и 1932 гг. эквивалентность обмена между сельским хозяйством и другими отраслями производства была несколько более благоприятной, чем в 1928 г. В обмен на единицу физического объема своей продукции сельское хозяйство получало в эти годы от остальных отраслей на 11—19% больше продукции (в ценах 1928 г.). В 1930 и 1931 гг. эквивалентность обмена была почти такой же, как и в 1928 г. Отношение общеторговых индексов цен обнаруживает несколько иную динамику, хотя общая ее тенденция была в общем такой же. В течение всего периода 1929—1932 гг. уровень сельскохозяйственных цен был существенно выше уровня цен промышленных, причем это превышение («ножницы» цен) време-

оп. 30, д. 70, л. 82; ф. 7733, оп. 12, д. 194, лл. 5, 18, 19, 20; оп. 10, д. 106, л. 10. Поскольку цены поставок машин, инвентаря и оборудования в сельское хозяйство были оптовыми ценами, для сопоставимости затрат на капиталовложения с затратами на приобретение промтоваров потребительского назначения в розничной торговле стоимость капиталовложений по источнику увеличена на 10%.

нами достигало большой величины, как, например, в 1930 г., когда уровень сельскохозяйственных цен был более чем на 60% выше уровня цен промышленных.

Если общая тенденция динамики отношения физических объемов товарной продукции, отчужденной из сельского хозяйства и поступив-

ТАБЛИЦА 7

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
1. Индекс физического объема товарной продукции сельского хозяйства	100	109,5	127,9	131,6	101,9
2. Индекс физического объема промышленных изделий, потребленных в сельском хозяйстве и сельскохозяйственным населением	100	121,1	134,7	130,4	120,7
3. Отношение индексов физического объема (2:1)	100	111,5	105,3	99,1	118,4
4. Общеторговый индекс с.-х. цен производителя	100	117,2	180,0	198,8	313,5
5. Общеторговый индекс промышленных цен потребления деревни	100	98,8	109,1	167,7	240,8
6. Отношение индексов цен («ножницы» цен) (4:5).	100	118,6	165,0	118,5	130,2

шей туда, и движения цен на эту продукцию совпадают, то по абсолютной величине выявившиеся «ножницы» физических объемов и цен значительно отличаются друг от друга. Последние за все годы больше «ножниц» по физическому объему. Эта разница объясняется тем, что вследствие сильного роста цен на сельскохозяйственные товары на неорганизованном рынке, превосходившего рост цен на промтовары, и несравненно большего по абсолютным размерам оборота частной торговли сельскохозяйственными продуктами по сравнению с промышленными, у деревенского населения оказалась аккумулированной большая денежная масса, которая не получала соответствующего покрытия в промышленных товарах. Излишек денег, оставшийся у сельского населения, государство вынуждено было изымать путем увеличения прямых платежей — налоговых и добровольных. Размер этих платежей, выплаченных деревенским населением, вырос за 1928—1932 гг. более чем в 4,5 раза, с 984,8 млн. руб. до 4595,7 млн. руб.[29] Однако и эти изъятия, по-видимому, не могли предотвратить известного накопления денежных средств у деревенского населения, в особенности в 1930 и 1931 гг., когда соответственно около 60% и 30% денежной выручки сельского хозяйства не могло найти товарного покрытия в промышленных изделиях. «Ножницы» цен в пользу деревни отражали, следовательно, определенные инфляционные явления в денежном обращении начала 30-х годов, отмечавшиеся уже в советской экономической литературе[30]. Естественно поэтому, что для суждения о действительных размерах эквивалентности экономических отношений между городом и деревней отношения индексов физического объема являются несравненно более надежным показателем, чем отношения индексов цен.

Попытаемся теперь составить баланс расчетных отношений между сельским хозяйством, включая и сельскохозяйственное население, и несельскохозяйственной сферой за 1928—1932 гг. в мировых ценах 1913 г. При этом предположим, что динамика физического объема промышленных товаров рассмотренного нами круга (т. е. розничного товарооборота, приходящегося на сельскохозяйственное население, плюс капиталовло-

[29] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, д. 83, л. 69.

[30] См., напр., Я. А. Кронрод. Деньги в социалистическом обществе, М., 1960, стр. 102—103; А. Н. Малафеев. Указ. соч., стр. 172.

жения в мертвый сельскохозяйственный инвентарь) будет соответствовать изменениям в движении физического объема всех продуктов несельскохозяйственного производства, потребленных в сельском хозяйстве, что, в общем, должно соответствовать действительности. В таком случае стоимость товарной продукции сельского хозяйства и продукции несельскохозяйственных отраслей, полученной деревней в мировых ценах 1913 г., принятых нами близкими к стоимостным, легко определится, поскольку мы уже знаем эти величины для 1928 г. и имеем индексы физических объемов для каждого из последующих лет. Баланс будет иметь следующий вид (см. табл. 8):

ТАБЛИЦА 8

Баланс материальных отношений между сельским хозяйством (и занятым в нем населением) и несельскохозяйственной сферой в 1928—1932 гг. по мировым ценам 1913 г.
(в млн. руб.)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
1. Сельское хозяйство отдает несельскохозяйственной сфере (с учетом сальдо-села зерновых):					
а) индекс физического объема товарной продукции сельского хозяйства	100,0	109,5	127,9	131,6	101
б) стоимость товарной продукции сельского хозяйства	3312,5	3727,2	4236,7	4359,5	3375,6
2. Сельское хозяйство и с.-х. население получают от несельскохозяйственных отраслей производства (без хлебопродуктов)					
а) индекс физического объема промтоваров, полученных сельским хозяйством	100,0	122,1	134,7	130,4	120,7
б) стоимость полученной продукции промышленности	1463,2	1786,6	1970,8	1908,0	1766,7
3. Сальдо (1—2)	1849,3	1940,6	2265,9	2451,5	1608,9
В % к 1928 г.	100,0	104,9	122,6	132,9	87,2

Как видно из таблицы, в 1929 г. из прибавочного продукта сельского хозяйства было перераспределено в несельскохозяйственные отрасли экономики примерно столько же средств (по мировым ценам 1913 г.), что и в 1928 г., в 1932 г. — значительно (на 12,8%) меньше и только в 1930 г. и 1931 г. — существенно больше (соответственно на 22,6 и 32,9%). Если же взять величину среднегодового перераспределения за четыре года пятилетки, то она окажется всего лишь на 4% больше, чем в 1928 г., и несравненно меньше абсолютных размеров чистых изъятий из сельского хозяйства, которые производились в дореволюционной России.

Небезынтересно в этой связи отметить, что даже в 1930 и 1931 гг., когда безэквивалентное отчуждение из сельского хозяйства было наивысшим, его величина была все же меньшей, чем до революции.

В самом деле, товарная продукция сельского хозяйства в 1913 г. была, как уже говорилось, на 42% больше, чем перед началом пятилетки. Между тем деревня до революции получила промышленных товаров, если судить по товарообороту розничной торговли, на 9% меньше, чем в 1928 г.[31] Нетрудно подсчитать, что стоимость безэквивалентного отчуждения у сельскохозяйственных производителей в 1913 г. должна была составить примерно 3,3 млрд. руб. (в мировых ценах 1913 г.), т. е. была почти на 30% больше, чем в 1931 г.

[31] См. С. Г. Струмилин. Экономико-статистические очерки, М., 1959, стр. 470; «Народное хозяйство СССР». Стат. справочник, М., 1932, стр. 317; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 578 (Расчет).

Таким образом, составленный нами баланс материальных расчетов между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой экономики показывает, что в целом в 1929—1932 гг. перераспределение средств из сельского хозяйства было лишь немного больше, чем перед началом пятилетки, в 1928 г. Но если это так, то роль сельского хозяйства в формировании накоплений, использованных для индустриализации страны за годы первой пятилетки, должна была сильно упасть. Действительно, в то время как абсолютная величина ежегодно перераспределяемого из сельского хозяйства прибавочного продукта выросла в 1929—1932 гг. в среднем лишь на 4%, средства, затрачиваемые на промышленное развитие, увеличились за этот период многократно.

Насколько такое увеличение произошло, можно точно исчислить, руководствуясь упоминавшейся уже публикацией ЦСУ «Материалы по балансу...», лишь для 1929 и 1930 гг. Расчеты, проведенные методом, аналогичным тому, который мы применяли при анализе материального баланса между сельским хозяйством и остальной экономикой в 1928 г., показывают, что в 1929 г. фонды накопления несельскохозяйственных отраслей производства, накопления и потребления непроизводственной сферы составили (в мировых ценах 1913 г.) 4676,5 млн. руб. против 2744,4 млн. руб. в 1928 г., т. е. были на 70% больше, а в 1930 г.— 6337,6 млн. руб., т. е. уже в 2,3 раза больше, чем в 1928 г. Поскольку чистые изъятия из сельского хозяйства равнялись в 1928, 1929 и 1930 гг. соответственно 1849,3, 1940,6, 2265,9 млн. руб. (в тех же ценах), нетрудно определить, что удельный вес этих последних в расходах на расширенное воспроизводство несельскохозяйственных отраслей и содержание непроизводственной сферы сократился с 64,3% в 1928 г. до 41,5% в 1929 г. и 35,7% в 1930 г.

Для 1931 и 1932 гг. величину централизованного дохода государства, использованного на развитие несельскохозяйственных отраслей и непроизводственной сферы, а следовательно, и удельный вес безэквивалентного отчуждения из сельского хозяйства в этом доходе, можно исчислить ориентировочно, опираясь на некоторые весьма важные сведения, приводимые в статистических источниках и в работах ряда советских экономистов.

Как известно, указанный доход представляет собой сумму фонда накопления несельскохозяйственных отраслей производства и непроизводственной сферы, фонда личного потребления работников непроизводственной сферы и текущего потребления этой сферы. Можно приблизительно вычислить каждый из этих компонентов. Так, величину фонда несельскохозяйственного накопления в 1931 и 1932 гг. можно получить, если рассматривать этот фонд как разность между всем фондом накопления и накоплениями в сельском хозяйстве. Фонд накопления 1931 г. дан в «Материалах по балансу...», а фонд накопления 1932 г. легко поддается исчислению, поскольку известна величина всего национального дохода и норма народнохозяйственного накопления в 1932 г. (26,9%) [32]. Накопления в сельском хозяйстве в последние два года пятилетки также поддаются расчету, исходя из опубликованных данных о приросте основных фондов сельского хозяйства и архивных материалов о приросте запасов сельскохозяйственных продуктов в деревне [33]. Таким образом, фонд несельскохозяйственного накопления должен был по существу равняться фонду накопления всего народного хозяйства. Фонд личного потребления работников непроизводственной сферы, если исходить из доли работников управления, здравоохранения и просве-

---

[32] См. А. И. Ноткин. Темпы и пропорции социалистического воспроизводства, М., 1961, стр. 65; Я. А. Кронрод. Указ. соч., стр. 97.

[33] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 74, д. 19, лл. 20, 7.

щения во всем фонде заработной платы, составил 31,5% всего фонда потребления неземледельческого населения в 1931 г. и 37,1% — в 1932 г. и, стало быть, равнялся соответствующим частям городского розничного товарооборота, который приводится в статистических сборниках[34]. Наконец, текущее потребление непроизводственной сферы можно определить, отправляясь от величины этого потребления, приводимой в «Материалах по балансу..» за 1930 г., и динамики непроизводственных фондов в 1930—1932 гг., которая дается статистикой[35].

Общий итог произведенной таким образом прикидки дан в табл. 9 (в млн. руб. в мировых ценах 1913 г.).

Из приведенных в таблице конечных результатов расчета видно, что в 1931—1932 гг. фонд развития несельскохозяйственных отраслей производства и непроизводственной сферы продолжал увеличиваться, превысив уровень 1928 г. почти в 3 раза. В то же время физический объем товарной продукции сельского хозяйства составил в 1931 г. всего 131,6% по отношению к 1928 г. и 127,9% к 1930 г. В 1932 г. объем товарного сельскохозяйственного производства был примерно таким же, что и перед началом пятилетки. Естественно, что доля чистых изъятий из сельского хозяйства в указанном фонде должна была уменьшаться. В самом деле, если абсолютная величина безэквивалентного отчуждения из деревни в 1931 и 1932 гг. равнялась соответственно 2451,5 млн. руб. и 1608,9 млн. руб. (в мировых ценах 1913 г.), то его удельный вес во всем фонде накопления и фонде потребления непроизводственной сферы в эти годы должен был составить 30,9% в 1931 г. и 20,4% — в 1932 г. против 35,7% в 1930 г., 41,5% — в 1929 г. и 64,3% — в 1928 г.

ТАБЛИЦА 9

	1931 г.	1932 г.
Фонд несельскохозяйственного накопления	4664,8	4607,1
Фонд потребления работников непроизводственной сферы	2457,2	2502,8
Текущее потребление непроизводственной сферы	832,0	906,2
Итого . . .	7954,0	8016,1

Таким образом, сельское хозяйство давало в 1930 г. чуть больше одной трети, в 1931 г. — треть, а в 1932 г. даже около пятой части средств, необходимых для развития индустрии, транспорта, социально-культурной сферы, для укрепления обороны страны и т. д.

Попытаемся проверить полученные нами результаты, применив иной способ исчисления величины перераспределенного из сельского хозяйства прибавочного продукта. До сих пор мы определяли эту величину, сопоставляя размеры взаимных поставок продукции между сельским хозяйством и остальными отраслями экономики в 1929—1932 гг. в мировых ценах 1913 г. Тот же самый результат должен получиться и при сопоставлении в тех же ценах реализованного национального дохода сельского хозяйства с национальным доходом, использованным в нем. Поскольку величина чистой продукции сельского хозяйства за годы пятилетки (в ценах 1926/27 г.) приводится в статистических публикациях, необходимые индексы цен либо тоже даются статистикой, либо уже выведены нами выше, а отправные данные для определения величины использованного в сельском хозяйстве национального дохода содержатся в имеющихся у нас архивных материалах, такой проверочный расчет не представит большой сложности. В качестве объекта для проверки возьмем величину безэквивалентного отчуждения из сельского хозяйства в 1932 г., когда оно было наименьшим за весь исследуемый период.

[34] См. «Социалистическое строительство СССР», М., 1934, стр. 319.

[35] См. «Материалы по балансу...», стр. 117; «Социалистическое строительство СССР», М., 1936, стр. XXXI.

Реализованный национальный доход сельского хозяйства в ценах 1926/27 г. в 1932 г. равнялся 8,4 млрд. руб.[36] При пересчете на мировые цены 1915 г. это составит 8,0 млрд. руб. Использованный в сельском хозяйстве национальный доход состоит из накоплений, затраченных на расширение сельскохозяйственного производства (прирост основных фондов и запасов в сельском хозяйстве), и фонда потребления, связанного с сельским хозяйством населения. Сведения о движении сельскохозяйственных фондов и балансы производителей сельскохозяйственных продуктов показывают, что фонд накопления сельского хозяйства в 1932 г. был равен 477 млн. руб. (в мировых ценах 1913 г.) [37]. Объем потребления сельскохозяйственного населения помогает установить данные о душевых нормах потребления сельскохозяйственных продуктов [38] и определить динамику розничного товарооборота промышленных товаров личного потребления (см. табл. 6). По нашим расчетам, фонд потребления населения, связанного с сельским хозяйством, составлял в 1932 г. 5610 млн. руб. (в мировых ценах 1913 г.). Таким образом, весь использованный в сельском хозяйстве в 1932 г. национальный доход равнялся 477 млн. руб.+5610 млн. руб.=6087 млн. руб. (в тех же ценах) или, округляя, 6,1 млрд. руб. Если новая стоимость, реализованная сельским хозяйством в 1932 г., оценивалась в 8,0 млрд. руб. (реализованный национальный доход), а использовано из нее в самом сельском хозяйстве было 6,1 млрд. руб. (использованный национальный доход), то часть этой новой стоимости (реализованного национального дохода), потребляемая за пределами деревни, должна была составить 8,0 млрд.—6,1 млрд. руб.=1,9 млрд. руб (в мировых ценах 1913 г.). Величина перераспределенного из сельского хозяйства в другие отрасли экономики прибавочного продукта была определена нами по основному расчету в 1,6 млрд. руб. (см. табл. 8). Суммы безэквивалентного отчуждения из деревни получились по обоим методам исчисления весьма близкие, учитывая, что при такого рода обобщающем счете, ведущемся по цепи индексов, всегда неизбежны определенные неточности и расхождения. Во всяком случае, проверка позволяет с уверенностью сказать, что основные выводы о величине изъятий из чистого продукта за годы первой пятилетки и, следовательно, об их удельном весе в централизованном фонде государственных средств, использованных на индустриальное развитие, подтвердились.

* * *

Анализ баланса материальных отношений между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой в 1928—1932 гг. показал, что прибавочный продукт, произведенный в сельском хозяйстве, перераспределялся из него в другие сферы экономики к концу первой пятилетки отнюдь не в бо́льших масштабах, чем перед ее началом. За счет этого прибавочного продукта поэтому могла формироваться лишь относительно небольшая часть (примерно около 30%) централизованного чистого дохода общества, которая была использована для индустриализации страны.

В целом за годы пятилетки размеры перераспределения из сельского хозяйства средств были лишь немного больше (всего на 4%), чем в 1928 г., удельный же вес этого перераспределения на протяжении пятилетки непрерывно сокращался. И уже начиная с первого же года пя-

---

[36] «Социалистическое строительство СССР», М., 1936, стр. XXXII.

[37] Исчислено по: «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 238; «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 445; «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. XXV, ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 74, д. 19, л. 20; оп. 76, д. 33, лл. 8—21.

[38] См. Ю. А. Мошков. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации, М., 1966, стр. 136.

тилетки отчуждение из сельского хозяйства представляло собой меньшую часть тех средств, которые были использованы на развитие индустрии, укрепление обороны страны.

Возникает естественный вопрос: откуда же были взяты остальные две трети фонда индустриализации страны, в каких отраслях производства они были сформированы? Ответ может быть лишь один: недостающие средства могли представлять собой лишь прибавочный продукт, созданный в несельскохозяйственной сфере экономики — в промышленности, строительстве, на транспорте. Как известно, ни заграничных займов в сколько-нибудь значительных размерах, ни тем более безвозмездной помощи наша страна в те трудные годы не получала.

Создание могучей социалистической индустрии потребовало от советских людей героических усилий. Главная их тяжесть легла на плечи рабочего класса. И в этом было одно из наиболее ярких проявлений авангардной роли советского рабочего класса — руководителя крестьянских масс в строительстве социализма в нашей стране.